Эйльбарт Н. В. Морально-нравственный аспект поддержки польской шляхтой русских самозванцев начала XVII века: по источникам польско-литовского происхождения / Н. В. Эйльбарт // Научный диалог. — 2017. — № 1. — С. 204—214.

Eylbart, N. V. (2017). Moral Aspect of Support of Russian Impostors of Early 17th Century by Polish Gentry: by Sources of Polish-Lithuanian Origin. *Nauchnyy dialog, 1:* 204-214. (In Russ.).

УДК 94(47).045+94(438)

Морально-нравственный аспект поддержки польской шляхтой русских самозванцев начала XVII века: по источникам польско-литовского происхождения

© Эйльбарт Наталия Владимировна (2017), доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), ejlbart@mail.ru.

В статье на примере погребальной речи, произнесенной на похоронах участника Смутного времени, польского магната и родственника Марины Мнишек, Андрея Стадницкого, а также некоторых других польских источников рассматривается морально-нравственное отношение в дворянской среде Речи Посполитой к феномену российского самозванства. Установлено, что в польско-литовском государстве в начале XVII века весьма популярной была идея «социального лифта», провозглашаемая античными авторами Платоном и Сенекой, поэтому приход к власти правителя «из низов» общества не являлся, с их точки зрения, неприемлемым и предосудительным. Отмечается, что особенно популярными «наставниками нравственности» польского дворянства были не священные христианские тексты, а «Нравственные письма» Сенеки к Луциллию, согласно которым знатность происхождения — ничто перед мудростью и благородством духа, а следовательно, обладающий такими качествами раб достоин стать правителем. Обнаружено сходство между философскими установками, обозначенными в погребальной речи, и мировоззренческими позициями Дмитрия Самозванца. Автор приходит к выводу, что в рамках морали и этики, господствовавших в то время в Речи Посполитой, поддержка самозванчества не подвергалась особенно интенсивному осуждению.

Ключевые слова: Смутное время; самозванцы; Лжедмитрий I; Лжедмитрий II; польские магнаты; философия Сенеки; погребальные проповеди; Андрей Радавецкий; Андрей Стадницкий.

1. Отражение отношения к самозванству в польских источниках

Без малого два десятилетия занимаясь проблематикой Смутного времени в России, мы неизменно ставили перед собой вопрос, на который до определенного момента времени не находили никакого ответа в современных событиям источниках. Вопрос этот заключается в восприятии феномена самозванства, в частности российского самозванства, теми представителями польского общества, которые имели непосредственное отношение к участию в нем. Так ли оно было осуждаемо, так ли порицаемо, как в последующем это представляли историки, называя вышеозначенные события «бесчестьем и позором» для тех, кто имел к нему отношение? И если в душе покровители самозванцев находили себе какие-либо оправдания, в чем они заключались, и происходила ли их акцептация окружением, дворянской средой?

Некоторые глухие упоминания о щекотливости положения тех, кто играл на стороне Лжедмитриев, мы находим в немногочисленных документах. Однако ни один из них не называет поддержавших самозванцев людей аморальными личностями, подлецами или аферистами, все эти акценты были расставлены много позже и совершенно не учитывали мировоззрение польской шляхты того времени, от которого, на наш взгляд, и нужно было бы отталкиваться. Например, со слов К. Буссова, вложенных им в уста Я.-П. Сапеги, поддержка Лжедмитриев — «безумие» [Буссов, 1998, с. 81], а гетман С. Жолкевский называет главного покровителя самозванцев Юрия Мнишка человеком честолюбивым и корыстным, но отнюдь не затрагивает в своей характеристике нравственные черты его личности [Немоевский, 2007, с. 339]. В то же время некоторые другие документы, в частности анонимная реляция «Причины и советы Московской войны», вскользь сетует на то, что солдаты Тушинского лагеря, служившие второму самозванцу, должны были «как-то снимать угрызения совести», а следовательно, в какой-то мере поступали бессовестно [Эйльбарт, 20136, с. 165]. Морализируя на тему гибели Тушинского вора, король Сигизмунд III пишет своему канцлеру, что самозванец убит «справедливым судом Божьим» и подобная кара «постигает тех, кои, движимые слепой безмерной жаждой царствования, вымышляют себе чужое имя и происхождение» [Эйльбарт, 2012а, с. 9], однако ничего не говорит о его окружении, видимо, здесь оставляя место обычным слабостям своих подданных. О «богохульстве» Лжедмитрия II, кое он совершает своим самозванством, пишет и королевский секретарь ксендз Якуб Задзик, однако опять же умалчивая о состоянии религиозного чувства у тех, кто поддерживал «вора» [Эйльбарт, 2013а]. Морально-нравственную характеристику окружения Тушинского

вора дает секретарь Льва Сапеги Ян Гридич в очередном письме к патрону, упоминая между прочим, что «среди них большинство таких, которые не думают о славе, добродетели, прирожденном государе и отчизне и ведут обманщика на дальнейший обман даже сверх его замыслов» [Эйльбарт, 2013б, с. 348]. Но это весьма редкая в основе своей безапелляционно-негативная характеристика для тех, кто был рядом с самозванцами. Мнение Сигизмунда III и его окружения объяснимо и понятно: они желали сильной королевской власти, самозванцы же представляли угрозу смене династии, в том числе и в самой Польше (вспомним, что как Лжедмитрий I, так и Лжедмитрий II претендовали и на польскую корону). Что же касается этики поступков Марины Мнишек, поочередно ставшей венчанной женой обоих самозванцев, то они характеризовались современниками исключительно как действия честолюбивой и гордой женщины [Эйльбарт, 2015; Kobierzycki, 2005], а пассажи вроде того, который появился в компилятивном «Дневнике Стадницкого», упрекающего ее в «презрении к стыду и добродетели», опять же отражают взгляды XVIII века [Эйльбарт, 2016].

Следовательно, исходя из вышеприведенных данных, мы можем сказать, что общественное мнение в дворянской и духовной среде Речи Посполитой если и клеймило участников московских авантюр, то прежде всего самих самозванцев, причем более второго, нежели первого [Эйльбарт, 2012б], и исключительно редко — их польских участников, и если даже допускало подобное, то делало это очень умеренно и осторожно. Поэтому можно заключить, что подобные деяния не считались в среде польской шляхты чем-либо ужасным и вполне вписывались в этический облик в меру грешившего и каявшегося шляхтича — доброго христианина. Однако шляхетская мораль пошла в этом случае еще дальше, спустя несколько лет после окончания «дмитриад» она устами духовного лица если и не оправдала полностью все действия пособников самозванцев, то по крайней мере еще более смягчила их восприятие. Думается, что и сами участники событий, как богатые и знатные покровители Лжедмитриев, представители семейств Мнишков, Вишневецких, Сапег, Зебжидовских, Стадницких и прочих, так и служившая этому делу мелкая шляхта, несомненно задумывались над тем, как «сохранить лицо», как представить современникам и потомкам свои действия в благовидном свете и себя в роли «радетелей об общественном благе», а не участников темных интриг с проходимцами. И здесь, как принято было в то время, они обратились к примерам античного Рима и Греции, к философии Платона и Сенеки, а также к многочисленным библейским сюжетам, в которых прослеживалась идея равенства людей и превратностей судьбы.

2. Погребальные проповеди как исторический источник

Важным источником для понимания нравственных основ польской дворянской среды являются так называемые «погребальные проповеди», помпезно произносимые священниками на похоронных торжествах знати. Постепенно начинают уходить в мир иной участники «дмитриад», и, с учетом общественного и имущественного положения некоторых магнатов-покровителей самозванцев, они, конечно же, непременно удостаиваются погребальных речей. Некоторые из подобных речей позже печатаются в виде брошюр и распространяются по всему королевству, дабы почтить тем самым память покойного. Погребальные проповеди времен Первой Речи Посполитой, которые, согласно подсчету польских филологов, в бумажном виде до наших дней дошли в количестве около 600 (большая часть из них, разумеется, погибла, так как печаталась мизерными тиражами), были прекрасным средством распространения стереотипов шляхетской политической идеологии. Речи эти должны были иметь большой общественный резонанс, так как погребение в старопольской культуре уподоблялось именно торжеству с многочисленными приглашенными, которые в случае высокого общественного положения умершего съезжались на похороны со всего государства. В погребальных речах проводилась идея естественных прав и естественных свобод, ведь свобода и равенство являлись основными ценностями шляхты. Здесь видятся идеалы республиканского Рима, которые подчеркивались и превозносились во времена Первой Речи Посполитой, создавался архетип рыцаря, служащего общественному благу, прославлялось равенство представителей дворянства между собой. Только, с одной стороны, шляхта придавала генеалогии большое значение, с другой же — активно проповедовала равенство в духе Римской республики, смешивая это с идеей равенства всех перед Богом. «Спектакль, каким являлась надгробная проповедь, не был бы полный, если бы ограничивался исключительно только личностью умершего, — писал польский исследователь С. Бачевский. — Много места в погребальных проповедях занимали элементы, которые в первую очередь относились к общественно-политической жизни. Потому как проповедники обращались не к умершим, а к охотно слушающей слова о своей исключительной позиции шляхте. Поэтому в погребальных речах ключевое место занимали неожиданные вещи и вместе с тем не религиозные, но зато весьма интересующие собравшихся, потому что перекликались с их политическими действиями и напоминали естественный характер последних» [Baczewski, 2006].

3. Отношение к самозванству в погребальной речи, произнесенной на похоронах А. Стадницкого

Для освещения нашей проблемы весьма ценным источником становится речь, произнесенная ксендзом Андреем Радавецким 23 сентября 1614 года на похоронах одного из членов ближайшего окружения первого самозванца и семьи Мнишек, двоюродного брата матери Марины пана Андрея из Жмигрода Стадницкого (являвшегося родным братом гофмейстера царицы Мартина Стадницкого и «Ланьцутского дьявола» Станислава Стадницкого).

Восхваляя и обосновывая идею равенства, представляя Речь Посполитую наследницей Рима, в этой речи Радавецкий, как и следовало из логики вещей, обращается не к богословским трактатам, а к античной философии — учению Сенеки. В речи имеет место манипуляция историческим и философским материалом и его препарирование удобным для оправдания определенных фактов способом. В истории философии принято считать, что учение Сенеки очень близко христианству, и отцы церкви неоднократно отмечали это в своих сочинениях. Например, Лактанций сокрушался, что римский философ так и не стал христианином, и выразил уверенность в том, что если бы Сенека знал об учении Христа, то непременно стал бы его апологетом. Иероним же пошел еще дальше, утверждая, что все же Сенека не только был знаком с христианством, но и тайно принял его, предложив даже причислять его к христианским святым. В последующем церковь, принимая во внимание популярность трудов Сенеки среди приверженцев христианства, даже способствовала созданию подложной переписки его с апостолом Павлом (несостоятельность факта существования такой переписки уже в эпоху Нового времени была доказана) [Яблоков, 1994; Грималь, 2003]. Стоит также упомянуть хрестоматийную фразу Ф. Энгельса, метко назвавшего Сенеку «дядей христианства».

Следовательно, становится понятным, что мораль Сенеки вовсе не чужда христианскому мировоззрению, поэтому думается, что и в XVII веке она была примером для благородного подражания. Подводя философское обоснование под идею равенства людей, Радавецкий в своей речи частично цитирует или пересказывает 44-е письмо Сенеки к Луцилию: «Но если есть в философии что хорошее, так это то, что она не смотрит в родословную. Все, если взглянуть на изначальное происхожденье, ведут род от богов... Философия никого не отвергает и не выбирает: она светит каждому. Сократ не был патрицием, Клеанф носил воду, нанявшись поливать садик, Платона философия не приняла благородным, а сделала. Почему же ты не надеешься с ними сравняться? Все они твои предки, если ты будешь их до-

стоин, а достойным их ты станешь, только убедив себя в том, что родовитостью ты никому не уступаешь. За всеми нами одинаковое число поколений, происхожденье всякого лежит за пределами памяти. Платон говорит: «Нет царя, что не произошел бы от раба, и нет раба не царского рода». Все перемешала долгая череда перемен и перевернула вверх дном фортуна... Смотреть нужно не на начало, а на конец пути» [Сенека, 1977, с. 46—47]. Как известно, римское общество с его социальными лифтами становилось идеалом для Нового времени, а Речь Посполитая, выбирая королей, на наш взгляд, более других европейских государств усвоила республиканские ценности, таким образом, мировоззренческие установки дворянства здесь были гораздо больше готовы к метаморфозам превращения беглого монаха в московского царя, нежели где бы то ни было.

Доктор теологии, член доминиканского ордена, оратор на погребении Стадницкого показывает недюжинную эрудицию перед собравшейся шляхтой и продолжает развивать идею равенства другими примерами из античной истории, и, нужно отдать ему должное, выглядят они весьма обнадеживающе для тех, кто мечтал когда-либо о головокружительной карьере. Например, жители Сидона просили у Александра Великого царя, и он дал им Абдаломина, бедного садовника, но благородного человека, который жил в предместье и у которого не было ничего, кроме сада. Царь Антигон говорил, что вознаграждает умелых, а не их отцов (то есть происхождение). Ученый богослов даже не смущается приводить в пример довольно неоднозначную личность — сицилийского царя Агафокла, который был неразборчив в средствах для достижения престола: начал свою карьеру, в детстве лепя горшки, затем занимался сексом за деньги с мужчинами и женщинами, потом, пустившись в грабежи, он возвысился наконец до полководца и сделался правителем Сицилии. Таким образом, в данных примерах он продолжает «линию Сенеки» и следует его принципу: «Все прежние слова и дела — ничто», следовательно, как и было уже упомянуто в письме Сенеки к Луциллию, конец пути значит гораздо больше, чем его начало, ведь в Римской империи и раб мог сделаться благородным. Наряду со справедливым и рациональным с его точки зрения возвышением достойных людей из низкого состояния к самым вершинам, Радавецкий находит, что они должны иметь преимущество перед неспособными представителями знатных родов. Диоген, как пишет оратор, увидев прекрасного, но своевольного молодого человека, сказал: «Хороший дом и плохой хозяин». Следовательно, те, кто взял тело от знатных родителей и не наследовал их дух, не являются благородными, а наследие духа важнее наследия тела, ведь наилучшая награда в мире — вечная слава. Отметим здесь, что

эту самооправдательную мысль Лжедмитрия I гениально прочувствовал А. С. Пушкин, вложив в уста своего героя слова о «тени Грозного», которая «усыновила» самозванца.

В надгробной проповеди Радавецкого нашли свое место и примеры знатных и могущественных людей, в мгновение ока обращенных им в ничто. Здесь он прибегает как к античным авторам, так и к библейским сюжетам и более поздней истории. «Сесострис, царь Египта, победил множество царей и сделал себе драгоценную колесницу, приказав запрячь в нее четырех из них и возить себя. Но один из них слишком часто оборачивался и внимательно смотрел на колесо. Спросил его Сесострис, почему он так часто смотрит на колесо. И тот ответил: "Чудо, что та часть колеса, которая была наверху, опускается вниз". Сесострис понял, как переменчиво людское счастье, и более царей тех не запрягал... Непостоянно людское счастье, и зависит оно не от земных благ, а от Божьего милосердия. Великим Государем был Баязет, но его пленили и посадили в железную клетку, где он умер, не оставив потомков. Велик и мужественен был Валериан, римский император, но будучи пойман Сапором, царем персидским, стал ему ступенькой для его трона. Сомнительное благородство» [Radawiecki, 1625, s. 19]. Таким образом, Бог и удача отвернулись от этих незадачливых правителей, высокое положение при отсутствии «благородства духа» не спасло их.

Оратор не преминул также упомянуть в своей речи примеры из современной ему польской и российской истории, которые были, несомненно, близки и понятны присутствовавшим слушателям. «Чудесное», с точки зрения многих, восхождение самозванцев к вершинам власти становится в его устах еще одним подтверждением «превратностей Фортуны». Радавецкий пишет об этом в следующих словах: «Мы имеем и многочисленные примеры из наших теперешних времен (как москвитяне называют "воров", а я добавлю сомнительных персон), что создают наши паны по смерти первого» (здесь он намекает на смерть Лжедмитрия I и появление Лжедмитрия II в качестве «воскрешенного» царя) [Там же]. Этот момент в речи весьма занимателен, поскольку всем предыдущим изложением ксендз Радавецкий подводил мысли слушателей к тому, что и раб, если он благороден духом, вправе стать царем, а «человек смелый и добродетельный из простого рода — для отчизны является потомком великих» [Radawiecki, 1625, s. 25]. Здесь же он в явно негативных красках заявляет о «ворах», чем, скорее всего, приводит слушателей в некоторое недоумение, поспешив затем отметить «тиранию» московских самозванцев. В речи просматривается определенная параллель, хотя и скрытая, между характеристикой первого Лжедмитрия и бунтовщиком Наливайко. Рада-

вецкий пишет, что, если не брать во внимание прирожденную добродетель и то, что правитель должен обращать все «ко всеобщему благу», «тогда и оного великого разбойника Наливайко, если бы ему пришлось усесться на каком-либо троне и оставить потомство, мы считали бы его благородным» [Radawiecki, 1625, s. 16]. Заметим, что совсем недавно он приводил в качестве частично положительного примера предприимчивости и «приобретения благородства» «бывшего разбойника» Агафокла, который, с его точки зрения, вероятно, проявлял менее задатков для тирана, поскольку принес отечеству не только вред, но и пользу. Таким образом, оценка восхождения лиц низкого социального происхождения к вершинам власти видится этому проповеднику вещью возможной, полезной и нужной для общества, но только лишь в том случае, если таковые государи не превратятся в тиранов и будут управлять подданными любовью. Московским же самозванцам он отказывает в справедливом управлении и вешает на них ярлык «тиранов» (как, впрочем, ранее польская общественно-политическая мысль высказывалась и об избранном царе Борисе Годунове, и о потомке византийских императоров Иване Грозном), и делает это по совершенно понятной причине: в 1614 году для большинства поляков легитимным и добродетельным московским царем является Владислав, а значит, самозванство должно быть пресечено, в том числе и в идейной его основе. Но, как понятно из вышеизложенного, стоило только сместить немного акцент в оценочной характеристике Лжедмитриев, и вот уже не тиран, а «благородный простолюдин» во имя «общественного блага» в лучших традициях Республики поднимается к вершинам власти, и все великолепие этого события доказывается изречениями античных философов.

При чтении данного источника у нас сложилось впечатление, что подобные философские рассуждения о «приобретенном благородстве» были настолько распространены и популярны в Речи Посполитой, что проживавший там в течение нескольких лет Лжедмитрий I впитал их в свое сознание без каких-то вариаций. Например, он постоянно твердил, и даже упомянул об этом на приеме у Сигизмунда III, что Ромул и Кир были простыми пастухами, а сделались царями. Исследователь Смуты Н. И. Костомаров так пишет об этом: «Ознакомившись с приемами тогдашней вежливости, Димитрий нравился полякам, когда приводил разные примеры из истории, как цари и властители были в таком же затруднительном положении, как он сам теперь, а впоследствии достигали могущества и делались славны подвигами своими. "Такими, — говорил он, — были Кир и Ромул, пастухи бедные, ничтожные, а потом царские роды основали и заложили великие государства" [Костомаров, 1994, с. 70]. Безусловно, мысль эта была вло-

жена в его голову покровителями: вспомним фразу главного патрона самозванца Юрия Мнишка, многократно говорившего, что «доблесть, а не происхождение должна получать награду». Кроме того, Лжедмитрий, вероятно, часто слышал в Польше мнения о тирании московских государей и заверял, что из двух способов управления (любовью и тиранией) он выберет любовь подданных, а следовательно, приобретет по праву царственное благородство.

4. Выволы

Подводя итог размышлениям над поставленной проблемой, хочется подчеркнуть, что Речь Посполитая по своему духу свободы и увлеченности римским наследием была весьма благоприятной почвой для появления и развития в ее среде самозванчества, гораздо более благоприятной, нежели любая другая европейская страна, а с морально-этической точки зрения его не считали для себя предосудительным поддерживать представители магнатерии, шляхта и даже духовенство. Нравственное оправдание этим действиям легко находилось ими в философии стоиков, Сенеки и Платона, которая принципом конечного «общественного блага» позволяла «сохранить лицо» и представить свои поступки в благовидном свете. Таким образом, не только непосредственные участники «дмитриад», но в известной мере и польское общество того времени не воспринимало действия своих соотечественников однозначно в качестве постыдных деяний.

Источники

- 1. Буссов К. Хроники Смутного времени / Конрад Буссов, Арсений Елассонский, Элиас Геркман. Москва : Фонд Сергея Дубова, 1998. 608 с.
- 2. *Немоевский Станислав*. Записки Станислава Немоевского (1606—1608). Рукопись Жолкевского / сост. А. И. Цепков. Рязань : Александрия, 2007. 493 с.
- 3. *Сенека*. Нравственные письма к Луцилию / Сенека. Москва : Наука, 1977. 383 с.
- 4. *Kobierzycki S.* Historia Władysława, królewicza polskiego i szwedzkiego / S. Kobierzycki. Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2005. 460 s.
- 5. Radawiecki A. Prawy szlachcic, w kazaniu na pogrzebie S. Pamięci Jego Mści pana Andrzeja ze Zmigroda Stadnickiego / A. Radawiecki. Kraków, 1625. 50 s.

Литература

- 1. Грималь П. Сенека, или Совесть Империи. Москва : Молодая гвардия, 2003. 349 с.
- 2. *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия / Н. И. Костомаров. Москва : Чарли, 1994. 804 с.

- 3. Эйльбарт Н. В. Лжедмитрий II: происхождение и гибель. Свидетельства польских документов Государственного архива Швеции / Н. В. Эйльбарт //Вестник Забайкальского государственного университета. 2012а. № 11. С. 3—10.
- 4. Эйльбарт Н. В. Лжедмитрий I и политическая элита Речи Посполитой : мифы и факты / Н. В. Эйльбарт // Вестник Забайкальского государственного университета. 20126. № 12. С. 19—27.
- 5. Эйльбарт Н. В. Поход Сигизмунда III и королевича Владислава к Москве в письмах ксендза Якуба Задзика (1612—1613 гг.) / Н. В. Эйльбарт // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013а. № 1. С. 3—12.
- 6. Эйльбарт Н. В. Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции. Комментированный перевод и исторический анализ / Н. В. Эйльбарт. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2013б. 401 с.
- 7. Эйльбарт Н. В. Семья Марины Мнишек : несостоявшиеся правители России / Н. В. Эйльбарт. Санкт-Петербург : Издательство филологического факультета СПбГУ, 2015. 232 с.
- 8. Эйльбарт Н. В. Рукопись «Дневника Мартина Стадницкого» как источник по истории Смутного времени / Н. В. Эйльбарт // Клио. 2016. № 11 (119). С. 59—66.
- 9. Яблоков И. Н. Основы религиоведения / И. Н. Яблоков. Москва : Космополис, 1994. 224 с.
- 10. *Baczewski S.* Kazanie pogrzebowe z pierwszej połowy XVII wieku jako spektakl władzy / S. Baczewski // Napis. 2006. Seria XII. S. 275—285.

Moral Aspect of Support of Russian Impostors of Early 17th Century by Polish Gentry: by Sources of Polish-Lithuanian Origin

© Eylbart Nataliya Vladimirovna (2017), Doctor of History, professor, Department of Russian History, A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia), ejlbart@mail.ru.

The article considers the moral attitude in the nobility of the Polish-Lithuanian Commonwealth to the Russian phenomenon of imposture by the example of funeral speech at the funeral of Andrey Studnitskiy, member of the Time of Troubles, Polish magnate and relative of Marina Mnishek, and some other Polish sources. It is established that in the Polish-Lithuanian state at the beginning of the 17th century the idea of a "social elevator" was very popular, proclaimed by ancient authors Plato and Seneca, so the coming to power of the ruler from lower classes of society was, from their point of view, unacceptable and reprehensible. Especially popular "teachers of morality" of the Polish nobility were not the sacred Christian texts, but the "Moral letters" of Seneca to Lucilio, according to which the nobility of origin is nothing before the wisdom and generosity of spirit, and therefore, a slave possessing such qualities worthy to become a ruler. The resemblance between philosophical attitudes identified in the funeral speech and ideological positions of Dmitry

the Impostor are discovered. The author comes to the conclusion that in the framework of morality and ethics that prevailed at the time in the Polish–Lithuanian Commonwealth, the support of the imposture was not a thing that transcends the accepted norms of morality, therefore, was not considered immoral.

Key words: Time of Troubles; impostors; False Dmitriy I, False Dmitriy II; Polish magnates; philosophy of Seneca; funeral sermons; Andrey Radavetskiy; Andrey Stadnitskiy.

Material resources

- Bussov, K., Elassonskiy, A., Gerkman, E. 1998. *Khroniki Smutnogo vremeni*. Moskva: Fond Sergeya Dubova. (In Russ.).
- Kobierzycki, S. 2005. Historia Władysława, królewicza polskiego i szwedzkiego. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. (Polish).
- Nemoyevskiy, S., Tsepkov, A. I. (sost.). 2007. *Zapiski Stanislava Nemoyevskogo (1606—1608). Rukopis' Zholkevskogo.* Ryazan': Aleksandriya. (In Russ.).
- Radawiecki, A. 1625. Prawy szlachcic, w kazaniu na pogrzebie S. Pamięci Jego Mści pana Andrzeja ze Żmigroda Stadnickiego. Kraków. (Polish).
- Seneka. 1977. Nravstvennyye pisma k Lutsiliyu. Moskva: Nauka. (In Russ.).

References

- Baczewski, S. 2006. Kazanie pogrzebowe z pierwszej połowy XVII wieku jako spektakl władzy. *Napis, XII:* 275—285. (Polish).
- Eylbart, N. V. 2012a. Lzhedmitriy II: proiskhozhdeniye i gibel'. Svidetelstva polskikh dokumentov Gosudarstvennogo arkhiva Shvetsii. *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta, 11*: 3—10. (In Russ.).
- Eylbart, N. V. 2012b. Lzhedmitriy I i politicheskaya elita Rechi Pospolitoy: mify i fakty. Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta, 12: 19—27. (In Russ.).
- Eylbart, N. V. 2013a. Pokhod Sigizmunda III i korolevicha Vladislava k Moskve v pismakh ksendza Yakuba Zadzika (1612—1613 gg.). *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta 1:* 3—12. (In Russ.).
- Eylbart, N. V. 2013b. Smutnoye vremya v polskikh dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Shvetsii. Kommentirovannyy perevod i istoricheskiy analiz. Novosibirsk: Izdatelstvo SO RAN. (In Russ.).
- Eylbart, N. V. 2015. Semyya Mariny Mnishek: nesostoyavshiyesya praviteli Rossii. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo filologicheskogo fakulteta SPbGU. (In Russ.).
- Eylbart, N. V. 2016. Rukopis' «Dnevnika Martina Stadnitskogo» kak istochnik po istorii Smutnogo vremeni. *Klio, 11 (119):* 59—66. (In Russ.).
- Grimal'P. 2003. Seneka, ili Sovest' Imperii. Moskva: Molodaya gvardiya. (In Russ.).
- Kostomarov, N. I. 1994. Smutnoye vremya Moskovskogo gosudarstva v nachale XVII stoletiya. Moskva: Charli. (In Russ.).
- Yablokov, I. N. 1994. Osnovy religiovedeniya. Moskva: Kosmopolis. (In Russ.).